Мартинович Г. А. **К проблеме гносеологии лингвистики.** Ч. I / Г. А. Мартинович // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. – 1999. – Вып. 2. – С. 41–46; ч. II // Там же. – 1999. –Вып. 4. – С. 43–48.

Мир – музыка, а наука – его накипь
и случайное проявление.

А. Ф. Лосев

Современный этап развития науки характеризуется новым усилением внимания к проблемам общей и частной теории познания (гносеологии, эпистемологии). Отражается это в целом ряде научных публикаций как общефилософского, так и частнометодологического характера[1]. Понятно, что языкознание тоже не могло остаться в стороне, и многие лингвистические исследования 90-х годов так или иначе затрагивают самые разные вопросы методологии лингвистической науки, разговор о которых ведется, как правило, в связи с обсуждением проблемы «смен» научных парадигм. В частности, весьма показательны в этом отношении две большие и очень обстоятельные статьи Р. М. Фрумкиной, одна из которых прямо называется «Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология?» Основным констатирующим положением этих работ является утверждение, что «новая лингвистика не имеет собственной эпистемологии»[2] или, в лучшем случае, что «в современной лингвистике собственная эпистемо-

---

[1] См., напр.: *Ильин В. В.* 1) Теория познания: введение, общие проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993; 2) Теория познания: эпистемология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994; *Наука* и альтернативные формы знания: межвуз. сб. / под ред. Б. В Маркова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995; *Панкратов А. Ф.* Система гносеологии. М.: Мысль, 1993; *Познание* и его возможности: тезисы междунар. науч.-метод. конф. 24–25 мая 1994 г., Москва. М.: ИНИОН, 1994; *Современные* теории познания: сб. обзоров и рефератов. М.: Рос. акад. наук, Ин-т науч. информации по обществ. наукам, 1992.

[2] *Фрумкина Р. М.* 1) Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М. Рос. гос. гуманитар. ун-т: 1995. С. 71–114; 2) «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопр. языкозн. 1996. № 2. С. 55–67.

логия пребывает в зачаточном состоянии»[3]. Свое программное заявление Р. М. Фрумкина формулирует следующим образом: «Так или иначе, доминанту современного состояния наук о человеке можно было бы назвать „Вперед, к Гумбольдту“»[4].

I

Современная лингвистика действительно не обладает своей теорией познания, и ее, несомненно, необходимо тщательно и целенаправленно разрабатывать. Однако теория познания, краеугольным камнем которой является проблема приобретения человеком знания, не есть наука только о собственно научном познании, т. е. именно о том познании, которое в основном и имеется в виду каждый раз, когда обсуждается соответствующий круг вопросов. Теория познания — это, как хорошо известно, наука о глобальном Познании, о глобальном получении Знания. Говоря о познании языка человека, мы, очевидно, вообще не можем ограничиваться только обсуждением проблем развития и совершенствования, кардинального изменения и переосмысления лишь собственно научной частной эпистемологии, собственно научной теории «среднего уровня». Радикальное решение вопроса в данном случае заключается в том, что познание человеческого языка, понимаемого в самом широком смысле (язык — речь — текст — речевое общение — речевые действия и операции — речевая деятельность и т. д.), получение истинных знаний о нем есть совершенно особый, уникальный и своеобразный вид познавательной деятельности людей, отличный от всех остальных ее видов, в том числе, несомненно, и от собственно научного.

Это объясняется, прежде всего, самой природой языка, существенными особенностями его основных сторон: формальной, функциональной и содержательной, — причем наиболее уникальной является важнейшая (фундаментальная) сторона языка — его идеальное содержание. Природа, качество и свойства идеального (как бы мы к нему ни относились: первичное — вторичное, объек-

---

[3] *Фрумкина Р. М.* «Теории среднего уровня»… С. 55.
[4] *Фрумкина Р. М.* Есть ли у современной лингвистики… С. 105.

тивное — субъективное и т. д.) практически все еще не изучены и непонятны. Становится, однако, все более очевидным, что в нем, фигурально говоря, «всё не так», что в нем нет пространства и времени в привычном для нас смысле, а следовательно, нет и величин, измеряемых всеми известными нам способами[5]. Но именно это идеальное содержание в первую очередь и отличает язык (как и произведения различных видов искусств) от всех других объектов собственно научного (естественнонаучного, «точного», научно-технического) познания, требующего в конечном итоге строгой формализации и математизации знаний об исследуемом объекте[6]. Идеальное языковое содержание, сама та или иная идея, сам смысл, само значение, их «качество» и «количество» (но не форма, формальная структура мысли и т. п. — формальная логика), подлежащие изучению, принципиально не могут быть измерены, исчислены и формализованы (как и идеальное содержание произведений искусств, как и вообще всё идеальное содержание).

Так, уже на протяжении двух с лишним десятилетий большое внимание лингвистов привлекают семантические исследования А. Вежбицкой. В нашу задачу в данном случае не входит их подробный разбор, да и сказано об основных принципах концептуального анализа (КА) с использованием специально

---

[5] См., напр.: *Ничипоренко В. В.* 1) Проблемы лингвобиологии: биологические и психические аспекты мышления и речи. М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1982; 2) Социальность – знаковость в мышлении и речи: на осознаваемом и неосознаваемом уровнях. М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1982. – Весьма своеобразно трактует понятия пространства и времени применительно к пси-явлениям, идеальному и т. п. парапсихология: *Дубров А. П., Пушкин В. М.* Парапсихология и современное естествознание. М.: Соваминко, 1989.

[6] От Античности (Пифагор, Архимед, Евклид) через Возрождение XIV–XVII вв. (Г. Галилей, И. Ньютон, Г. Лейбниц) до Нового времени (Д. И. Менделеев, А. Эйнштейн, Н. Борн) получение истинного знания, а затем и саму науку принято связывать со строгими логическими построениями, формализацией и исчислениями: «Наука начинается с тех пор, как начинают измерять» (Д. И. Менделеев). Ср. также: «Задача исследователя, поставившего себе целью создание теории, состоит именно в том, чтобы ф о р м а л и з о в а т ь наши первоначально интуитивные знания об объекте» (*Апресян Д. Ю.* Идеи и методы современной структурной лингвистики: краткий очерк. М.: Просвещение, 1966. С. 15). Отметим постоянное противопоставление в работах такого направления «научного» и «интуитивного», что будет существенно для нас в дальнейшем.

созданного для его осуществления семантического метаязыка (СМ) достаточно много. Отметим лишь, что ряд исследователей (Р. М. Фрумкина, Е. В. Падучева и др.) одно из важнейших достижений А. Вежбицкой видят не только (а возможно, даже и не столько) в полученных ею конкретных результатах, но и (особенно!) в экспликации как самого метода КА, так и его «работы», непосредственного действия, то есть «экспликации процесса концептуального анализа и содержания концепта» [7]: «...ученый должен твердо знать, какой из возможных для его предмета теорий среднего уровня он придерживается, и уметь эксплицировать свой выбор»[8].

В связи с этим необходимо отметить следующее.

1. Сам метод «интроспекции» (самонаблюдения, самоанализа) далеко не нов не только в психологии, где его применение давно уже стало обычным делом, но и в лингвистике. В семантических исследованиях он долгое время просто не декларировался, так как никто не видел в этом никакой необходимости. Однако на уровне «здравого смысла», «чутья языка», интуиции и т. п. он используется ровно столько, сколько существуют сами семантические (лексико-семантические) исследования[9]. И чем иным, как не «углубленным анализом собственной языковой интуиции», можно объяснить, например, изысканный анализ А. А. Потебни (теперь уже ставший хрестоматийным) конкретного языкового материала (*верста*, *арбузик* и т. д.) при решении фундаментальных про-

---

[7] *Фрумкина Р. М.* Есть ли у современной лингвистики... С. 91. «СМ Вежбицкой – один из немногих семантических языков, имеющих эксплицитно описанный синтаксис...» (*Падучева Е. В.* Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая, Анна. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М.: Рус. словари, 1996. С. 13).

[8] *Фрумкина Р. М.* Есть ли у современной лингвистики... С. 79. – Ср., однако: «Лингвист, строящий модель (в самом широком смысле. – *Г. М.*) языка под углом зрения той или иной конкретной задачи, должен ясно представить себе эту задачу и... степень применимости той или иной конкретной методики исследования» (*Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности. М.: Наука, 1965. С. 47).

[9] Вежбицкая «многократно подчеркивает, что ее концептуальный анализ основан на интроспекции, углубленном и целенаправленном анализе собственной языковой интуиции» (*Мостовая А. Н.* Лексическое значение и языковая интуиция // Язык и когнитивная деятельность / отв. ред. Р. М. Фрумкина. М.: АН СССР, Ин-т языкозн., 1989. С. 52).

блем слова и его значения[10] или тончайшие наблюдения Б. А. Ларина над «приращениями смысла» слова в художественной речи в его классических семантических этюдах «О разновидности художественной речи» (1922) и «О лирике как разновидности художественной речи» (1925)[11]. Примеров подобного рода «традиционного» анализа семантики можно привести множество. И хотя всё это в строгом смысле слова не наука, истинность и принципиально возможное высокое качество добываемой в таких исследованиях информации не вызывают сомнений. Существенно, что никаких метаязыков, кроме «естественного», при этом не требуется, и мы можем себе только представить, во что превратились бы подобного рода описания значений «естественных» языков при применении в этих описаниях любых «искусственных» языков и каково было бы в этом случае качество полученных нами знаний, даже если бы таким языком был наиболее совершенный из них — язык эсперанто[12].

Одним из первых на существенную роль, правомерность и необходимость корректно осуществляемого экспериментирования и самонаблюдения («интроспекции») открыто («эксплицитно») еще в 1931 г. указал Л. В. Щерба: «Для меня давно уже стало совершенно очевидно, что путем непосредственного самонаблюдения нельзя констатировать, например, „значений“ условной формы глагола в русском языке. Однако, экспериментируя, т. е. создавая разные примеры, ставя исследуемую форму в самые разнообразные условия и наблюдая полученные при этом „смыслы“, можно сделать несомненные выводы об этих „значениях“ и даже об их относительной яркости»[13]. А это как раз и есть не что иное, как метод «тренированной интроспекции», применяемый лин-

---

[10] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Учпедгиз, 1958. С. 13–20.

[11] *Ларин Б. А.* Эстетика слова и язык писателя. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. С. 27–105.

[12] Отметим, что СМ Вежбицкой вполне можно рассматривать в качестве своеобразной (предельно компактной, компрессированной) разновидности искусственных интернациональных языков. Примеры описания на СМ см: *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996. С. 336–370.

[13] См.: *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. Ч. II. М.: Просвещение, 1965. С. 369.

гвистом-профессионалом. Сознательно, целенаправленно и эксплицитно обосновывать методологию своих лингвистических (семантических) штудий у нас в стране начали в основном лишь с конца 50-х — начала 60-х годов XX в., прежде всего исследователи, стремившиеся к использованию формальных методов изучения языкового материала. Так, оригинальная методология описания смыслов основательно была разработана и вполне откровенно заявлена представителями так называемой Московской семантической школы (Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук), одним из последователей которой является и А. Вежбицкая. Однако и здесь в конечном итоге все же не обошлось без обращения к интуиции, хотя и весьма своеобразного. С одной стороны, интуиция практически полностью исключалась из формально-структурных описаний смысловой стороны языка-речи: «...поскольку в традиционной лингвистике нет полного формального описания значений, так называемый „семантический критерий“ является чисто интуитивным... Однако интуиция не может использоваться как решающее средство доказательства, так как в этом случае становится невозможным отчуждение и однозначная передача знаний»[14]. С другой — без нее все же не обойтись, и интуиции кладется в основу определения базового понятия соответствующих формально-семантических изысканий — понятия смысловой равнозначности: «С формальной точки зрения понятие равнозначности является у нас неопределяемым. Содержательно же некоторые тексты называются равнозначными, если носители данного языка утверждают, что „эти тексты означают одно и то же“, что „в них содержится одна и та же информация“. Проще говоря, понятие равнозначности текстов принимается как интуитивно очевидное»[15]. Таким образом, все дальнейшие предельно формализованные семантические преобразования осуществляются авторами этих работ на основе практически полной неопределенности (точнее принципиальной неопределяемости с необходимой для таких исследований точностью) фундаментальной категории разрабатываемой ими концепции.

---

[14] *Апресян Ю. Д.* Указ. соч. С. 15.

[15] *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических преобразований моделей «смысл ↔ текст». М.: Наука, 1974. С. 10.

Весьма примечательно, что большинство исследователей, ратующих за «строгость» научных описаний семантики, в конечном итоге, так или иначе, апеллируют именно все к той же интуиции: либо как к начальному моменту своих исследований[16], либо как к чуть ли не основному критерию истинности и средству контроля полученных в результате применения формальных процедур результатов[17].

2. Описание семантики языка, «языковых концептов» путем проникновения при помощи искусственно созданных семантических языков в результаты «тренированной» (А. Вежбицкая) или «нетренированной» (И. А. Мельчук) интроспекции и представление затем в терминах (+синтаксис) этих же языков «естественной» языковой семантики ни в коей мере не решает ставящейся в этом случае конечной задачи исследования — дать строго научное (формализованное, однозначное и т. п.), но в то же время и совершенно адекватное, исчерпывающее «толкование» определенного языкового значения (концепта, понятия и т. п.). Основные недостатки такого рода исследований хорошо известны и уже неоднократно обсуждались в научной литературе[18]. Существенным здесь

---

[16] Э. В. Кузнецова, например, при проведении компонентного анализа значений слов (описание семантики на основе метаязыка семантических множителей) обращается в начальной стадии своих исследований к интуиции лексикографов: «...Интуиция каждого отдельного исследователя в достаточной мере субъективна. В этих условиях естественно обращение к одноязычным толковым словарям, в основе которых лежит интуиция лексикографов-профессионалов» (Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Высш. школа, 1989. С. 35).

[17] Так, проведя дистрибутивный анализ английских прилагательных, А. Я. Шайкевич делает вывод: «Анализ результатов исследования показывает общую правильность выдвинутой нами гипотезы. Выделенные «семантические поля» лишь в редких случаях противоречат нашему интуитивному представлению о смысловой классификации английских прилагательных» (*Шайкевич А. Я.* Распределение слов в тексте и выделение семантических полей // Иностр. языки в высш. школе. 1963. Вып. 2. С. 25).

[18] Показательно, что Р. М. Фрумкина, отмечая критику толкований Вежбицкой за неточность, неполноту, пространность и т.п., основное внимание, однако, уделяет следующему моменту: «А вот вопрос о том, насколько законен сам метод интроспекции, с помощью которого эти толкования были получены, почему-то не обсуждался» (*Фрумкина Р. М.* «Теории среднего уровня»... С. 58).

является все же не бесконечное (сколь угодно уточняемое и «утончаемое») совершенствование инструментария (метаязыка), а его принципиальная непригодность для качественного решения поставленной задачи, в частности в силу обратно пропорциональной зависимости ее составляющих. Кроме того, собственно языковые концепты (бытовые, наивные, обывательские, повседневные понятия, «ближайшие значения» (А. А. Потебня), «умственные образы» (М. Г. Ярошевский)[19], чтобы быть адекватно воспринятыми («понятыми»), непременно должны быть не только любым способом и сколь угодно подробно «рассказаны» («растолкованы»), но и, что очень важно, прочувствованы и пережиты[20]. А достижение этого абсолютно невозможно с помощью использования даже наиболее изощренных и ухищренных семантических языков (метаязыков), так как мир человеческого чувства (непосредственно самого чувства, а не рассказа о нем) таким языкам принципиально недоступен в силу самой их исключительно рациональной (по предназначению) природы[21].. Мир этот, и то далеко не в полной мере, может быть доступен лишь обычному человеческому слову, прежде всего слову в его эстетической (поэтической, художественно-образной) функции и высшей форме проявления последней — поэзии. Поэтому как бы мы ни нападали на интуитивизм в языкознании за его якобы неопределенность, субъективность и многое другое[22], мы в конечном итоге все же непременно вынуждены признать, что «чутье языка народом» — «не выдумка, не субъективный обман, а категория (функция) действительная, положительная, которую

---

[19] *Касевич В. Б.* Буддизм: язык, картина мира. СПб.: Петерб. востоковед., 1996. С. 100 и сл.

[20] Язык это, несомненно, также и наука, но, прежде всего, он – миф (быт) и поэзия (былины, песни, сказки, стихи, и т. д.).

[21] Заметим, что само переживание, например, чувства страха (идеальное), выражение страха (прагматика и паралингвистика) и наименование страха (лексическая семантика) далеко не одно и то же. Разграничение прагматики и семантики, в толковании которых Вежбицкая не видит принципиальной разницы, нам представляется особенно существенным.

[22] «В современной лингвистике сохранилось много пережитков... и страшнейшим из них является интуитивизм – бесконтрольное введение в лингвистику интуиции, «языкового чутья» носителя языка» (*Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности. С. 41).

можно определить по ее свойствам и действиям, подтвердить объективно, доказать фактически» [23]. «Чутье языка» есть неотъемлемое свойство человека — как рядового носителя языка, так и лингвиста-профессионала. Оно во многом родственно «чутью музыки» и представляет собой особый дар (как и музыкальный), которым владеют все нормальные люди, но далеко не в равной мере. Само же языковедение должно стоять в ряду не с металловедением, а с музыковедением. Последнее, однако, в той своей части, в которой оно занимается исследованием, можно сказать, музыкальной семантики, анализом и интерпретацией содержательной стороны музыкальных произведений и т. п., ни в коей мере не есть и не может быть наукой, а может быть лишь искусством, основывающимся прежде всего непосредственно на «чутье музыки» музыковеда-профессионала, сродни которому и «чутье языка» языковеда-профессионала[24]. Искусством же, во всяком случае в значительной степени, является и семантический анализ естественного человеческого языка, как и вся герменевтика в самом широком смысле. Однако классический пример одной из величайших трагедий, явившейся результатом деятельности ремесленника, постаравшегося «трудом», «усердием», «усильным, напряженным постоянством» «умертвить звуки», «музыку разъять как труп», «поверить алгеброй гармонию» (музыку) и т. п., многих, к сожалению, так ничему и не научил. И то, что в свое время пытался сделать с музыкой литературный герой, в наши дни с великим усердием пытаются делать с языком вполне реальные люди. Итог же (самый последний, конечный и неизбежный) всего этого хорошо известен: «...нет правды на земле, Но правды нет и выше».

В свое время Л. С. Выготский писал: «С исследователем, который, желая разрешить проблему мышления и речи, разлагает ее на речь и мышление, происходит совершенно то же, что произошло бы со всяким человеком, который в

---

[23] *Бодуэн де Куртенэ.* Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 60.

[24] Основное различие здесь, однако, заключается в том, что музыковед говорит о музыке на естественном языке, а языковед – самим «естественным» языком о самом же «естественном» языке.

поисках научного объяснения каких-либо свойств воды, например, почему вода тушит огонь... прибег бы к разложению воды на кислород и водород как к средству объяснения этих свойств»[25]. И в связи с этим противопоставлял анализ «по единицам» анализу «по элементам»[26]. Представляется, что последовательный учет данного разграничения необходимо соблюдать также и при анализе содержательной (не формальной!) стороны «естественного» языка, его смыслов, значений и т. п. Но именно о нем как раз и забывают «товарищи ученые», настойчиво «разлагающие» (точнее, лишь пытающиеся разлагать) реальные, «естественные» смысловые молекулы (единицы), на их псевдореальные, «искусственные» семантические атомы — элементы СМ разного рода[27]. Постоянные же упреки Вежбицкой лингвистам в «лености ума» явно недостаточны. Критерий «лености / нелености» необходимо рассматривать только в единстве с критерием «ограниченности / неограниченности» (талантливость / бесталанность, одаренность / неодаренность). Тут возможны всего четыре варианта: «леность — ограниченность», «неленость — ограниченность», «леность — неограниченность» и «неленость — неограниченность». Каждому, несомненно, свое. Однако к чему обычно приводит «чистая усердная неленость», хорошо видно хотя бы на примере пушкинского Сальери.

II

В человеческом языке совершенно своеобразно проявляются взаимоотношения между многими фундаментальными категориями.

1. ***Материальное и идеальное***. Язык как система знаков и правил их употребления реально существует в сложном диалектическом единстве двух форм — материальной (в речи и ее результатах — устных и письменных текстах) и идеальной (в так называемом языковом «сознании» носителей языка), т.

---

[25] *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М.: Изд-во Акад. пед. наук СССР, 1956. С. 46.

[26] *Леонтьев А. А.* Психолингвистика. Л.: Наука, 1967. С. 82–83.

[27] Ср., однако, «конверсив»: «...Единицы семантического языка – это те элементы («атомы»), из различных комбинаций которых складываются «молекулы» – значения реальных слов естественного языка» (*Апресян Ю. Д.* Указ. соч. С. 254).

е. в данном случае (и, очевидно, т о л ь к о в данном) идеальное отражение материального явления есть в то же самое время действенная форма бытия самого этого явления (одна из двух его форм)[28].

2. ***Форма и содержание***. Их соотношение по-особому реализуется в каждой из двух отмеченных форм существования языка. В *идеальной форме* — в виде «системы знаков, в которой единственной сущностью является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны»[29], т. е. здесь идеальны как форма («акустический образ»), так и содержание («смысл») знака. В *материальной форме* — в виде системы знаков, в которой идеальное содержание («смысл») материализовано в звуках человеческой речи, воплощено в них, преобразовано в них и представлено ими «другим людям и самому себе». Здесь материальны, хотя и по-разному, и форма знака (собственно материальна), и его содержание (материализовано в форме), «план выражения» есть в то же самое время и «план содержания», материальное — инобытие идеального[30].

3. ***Объективное и субъективное, социальное и индивидуальное***. Существование языка в двух формах свидетельствует также о том, что язык имеет о б ъ е к т и в н о - с у б ъ е к т и в н у ю природу. Собственно объективным, т. е. полностью не зависящим от человека, от сознания субъекта и т. п., можно и нужно признать лишь сам факт существования человеческого языка, то, что он вообще есть. Объективная действительность, проходя в отражении через двой-

---

[28] Подробнее о существовании языка в двух формах см. *Мартинович Г. А.* 1) К проблеме онтологии языка // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1989б. Вып. 3. С. 54–60; 2) К проблеме методологии лингвистики // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1991. Вып. 2. С 49–55.

[29] *Соссюр Фердинандт де.* Труды по языкознанию. М., 1977. С. 53.

[30] Реально общающимися людьми порождаются и воспринимаются, конечно же, не просто звуки или начертания как таковые (что в подавляющем большинстве случаев вообще остается в подсознании), а именно само содержание, оформленное в виде звуков (или начертаний), – «звуки-смыслы», «звуки-значения» (или же «графы-смыслы», «графы-значения»).

ное преломление[31], существует в головах индивидов в виде человеческих знаний, закрепленных в языке, — неотъемлемом «атрибуте человеческой природы»[32]. Ни один собственно человеческий язык нигде и никогда не существовал и не существует вне и независимо от людей, вне и независимо от человеческого сознания, от сознания мыслящего и общающегося человека, т. е. он субъективен и объективен ровно настолько, насколько объективно и субъективно само сознание.

В свою очередь, все и н д и в и д у а л ь н ы е формы существования и проявления (реализации) языка с о ц и а л ь н ы в своей основе, во всех своих наиболее существенных моментах, иначе речевое общение людей было бы просто невозможно. Поэтому затруднения, возникающие при «преодолении барьера между атрибутами „социальное“ и „индивидуальное“, которые надлежит приписывать одной и той же реальности», оказываются «мнимыми затруднениями» [33]. Как «идеальные», так и «материальные» языки, несомненно, будут в чем-то различными не только у отдельных индивидов, но и у отдельных социальных, профессиональных, территориальных, культурно-образовательных, возрастных и т. д. групп и коллективов. Но все эти различия, все возможные здесь противоречия относятся, как правило, к периферийным, малосущественным или же вообще несущественным областям языка и ни в коей мере не являются определяющими. В данном случае мы имеем дело лишь с одной из частных форм проявления диалектики соотношения индивидуального и общественного сознания и всегда можем понять и объяснить наблюдающиеся расхождения в пределах этого соотношения. Следовательно, язык в идеальной форме

---

[31] «...Уже в мышлении отражение действительности выступает до некоторой степени в преломленном виде, в сфере же языка оно получает дальнейшее преломление» (*Общее* языкознание: формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 80).

[32] «Язык как объект науки является уникальным и в том смысле, что он насквозь субъективен как атрибут человеческой природы» (*Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. С. 14).

[33] *Павлов В. М.* Понятие лексемы и проблема соотношения синтаксиса и словообразования. М.: Наука, 1985. С. 7.

своего существования не менее социален, чем в материальной, так как в своих важнейших моментах он практически идентичен у всех членов той или иной языковой общности, того или иного языкового коллектива, что закономерно следует из принципиально адекватного отражения каждым членом определенного общества характерной для этого общества «лингвистической среды обитания» («лингвосферы»), то есть языка в материальной форме.

4. ***Рационально-логическое и чувственно-эмоциональное, сознательное и бессознательное***. В реальном бытии «естественных» человеческих языков первое в этих противопоставлениях практически никогда полностью не отграничивается от второго**.** Положение о единстве чувственных и рациональных начал психики человека, его познавательной деятельности в настоящее время практически является общепризнанным. Особенно ярко это единство проявляется в области языка и мышления (речемышления). В филогенезе оно обусловлено всем ходом их исторического развития и становления, в онтогенезе — развитием и становлением сознательной человеческой личности. Основу этих процессов составляет постепенное (поступательное), очень сложное превращение предметно-ситуативного, конкретного, чувственно-наглядного мышления в мышление рациональное, надситуативное, абстрактное, рациональное[34].

Замечательной особенностью человеческой психики является то, что с возникновением новых, более совершенных форм мышления предшествовавшие им старые, более примитивные формы не отмирают окончательно и не исчезают полностью, а, качественно улучшаясь и совершенствуясь, продолжают существовать с ними в тесном единстве, входят в них. В сущности, здесь каждый раз происходит снятие новыми формами мышления старых. Именно в силу этого человеческое мышление, взятое в целом, оказывается явлением чрезвычайно сложным, разноаспектным и многогранным, что, несомненно, отражается и в языке человека.

---

[34] Подробнее см. *Мартинович Г. А.* Из истории изучения вопросов взаимоотношения языка и мышления (Вопросы взаимоотношения языка и мышления в работах И. М. Сеченова и И. П. Павлова) / Г. А. Мартинович // Лингвистические этюды. – СПб.: Образование, 1992. – С. 58–84.

Очень многое в отношении «человек — его язык» определяется самим процессом усвоения языка, деятельностью по «присвоению» той или иной языковой системы. Слово, и это хорошо известно, как в филогенезе, так и в онтогенезе первоначально неотделимо от предмета, синкретично с ним, и поэтому изначально «входит» в нас «вместе» с предметом (*с образом восприятия*) в качестве одного из многих (актуального в данный момент) признаков этого предмета, затем только в речи (*с образом представления* этого предмета, со значением этого предмета) и, наконец (с ростом образования, играющего исключительно важную роль в этом процессе), — со значением абстрактного «предмета», *с абстрактным значением*. Человек рождается, развивается и становится личностью в двойном и первоначально неделимом для него мире — в мире «вещей» (прежде всего в биосфере) и в мире слов (в лингвосфере), эти вещи представляющих, опосредующих. Только на определенной ступени развития человек становится способным отрываться в случае необходимости от непосредственного отношения к миру вещей в отношении к миру слов (вторых сигналов), жить и действовать в определенных случаях (рассудочная и некоторые другие виды деятельности) в условиях собственно лингвосферы, заменяющей, «имитирующей» для него все остальные жизненные сферы. Однако память об овладении языком, его значимыми единицами сохраняется на всю жизнь. Различные качественные этапы этого овладения, как уже говорилось, не сменяются чисто механически, они не отменяют и не вытесняют друг друга, а совмещаются друг с другом, дополняют и обогащают друг друга, обеспечивая в своей целостности новый (высший) качественный уровень интеллектуальной деятельности человека на основе единства и противоречия чувственных и рациональных, эмоциональных и логических начал его духовной жизни[35].

О сложнейших соотношениях сознательного и бессознательного, несознательного (подсознание и надсознание или сверхсознание) хорошо известно со времен основополагающих исследований в этой области З. Фрейда, о чем ска-

[35] «...Без человеческих эмоций никогда не было, нет и быть не может человеческого **искания** истины» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 25. С. 112).

зано и написано достаточно много. В последние десятилетия живой интерес к соответствующим проблемам проявляют и лингвисты, как правило, в связи с обсуждением вопросов соотношения языка и мышления, языка и сознания, вербального и невербального мышления, языка и картины мира и т. п. При этом основные трудности здесь часто возникают из-за значительных расхождений в трактовке самих терминов *сознательное* и *сознание*, чем обычно и определяется то или иное понимание сути отношений между языком и сознанием, языком и «несознанием»[36]. Совершенно своеобразно проблемы «контактов» сознательного с бессознательным, перехода (или перевода) одного в другое, вербального воздействия на подсознание и вербализации последнего и т. п. рассматриваются в различных новейших течениях психологии, психоанализа, парапсихологии, экстрасенсорики и т. д.[37]

5. ***Соматическое (телесное) и психическое (духовное)***. Соотношение этих категорий в системе своих представлений решает пока только вера, но не наука. Сколь-либо удовлетворительного объяснения как форм, видов и способов реального существования собственно психического (идеального, духовного — не их химико-биологического и нейрофизиологического субстрата (обеспечения, базы и т. п.)) в человеке, так и механизма (где, как, когда и т. п.) его преобразования в телесное (соматическое) и наоборот (телесного в духовное) современная наука дать не может. Следовательно, применительно к языку она не способна в границах своих возможностей объяснить и механизмы преобразования звуков, кинестетических явлений, нервных импульсов и т. п. в смыслы, значения, эмоции и т. д. и обратно. Поэтому приходится оставить данную проблему б е з к о м м е н т а р и е в.

---

[36] Сжатое, но весьма обстоятельное изложение основных проблем в этой области см. *Касевич В. Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. С. 102–106.

[37] См., например, метод нейролингвистического программирования (НЛП) в книге основоположников этого направления Дж. Гриндера и Р. Бэндлера: *Бэндлер, Ричард, Гриндер, Джон*. Из лягушек – в принцы: начальный курс нейролингв. программирования. СПб.: Ин-т общегуманитар. исслед., 1992. (Нейролингвистическое программирование).

В ***познании языка*** также совершенно особым образом преломляются и проявляются в новом (необычном и оригинальном) качестве обычные для научной деятельности соотношения: субъект (личность) познания — орудие (инструмент) познания — объект (предмет) познания. Язык — это и объект познания, это и способ и инструмент познания, это и субъект (сознание, «языковая личность») познания. Здесь несомненное т р и е д и н с т в о. Язык — это также форма и способ отражения и накопления, хранения и переработки, представления и передачи знания обо всем остальном и о самом себе[38]. Он представляет собой открытую, полифункциональную, динамическую, адаптивную, эволюционирующую, саморегулирующуюся и «самосебяописывающую» в своей содержательной области систему. Все значимые (двусторонние) единицы языка в этом (последнем) отношении исключительно феноменальны и уникальны. Они сами, и только сами (самими собой, в самих себе и т. п.), могут с исчерпывающей полнотой в ы р а ж а т ь с в о е с о б с т в е н н о е (индивидуальное, неповторимое и невоспроизводимое ни в каких других как языковых, так и неязыковых единицах) с о д е р ж а н и е. Именно в этом сама суть их существования, исключительно для этого они и предназначены. Поэтому как никакие собственно научные (строго формализованные, предельно логические, однооднозначные и т. п.) изыскания и описания языковой семантики, так и никакие перифразы, метаязыки, переводы и т. п. решить задачу адекватной, исчерпывающей передачи значения определенной языковой единицы определенного языка не могут принципиально[39]. Всё это, конечно, не снимает и не отменяет

---

[38] Основными («важнейшими», «базовыми») функциями языка обычно считают коммуникативную и когнитивную, к которым добавляют еще эмоциональную и метаязыковую (*Лингвистический* энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 564), а также эпистемологическую (Там же. С. 604). Отметим также, что отдельные исследователи размещают эти (как и некоторые другие) функции языка в различной последовательности.

[39] Например, самое обычное русское слово *стол* даже только в своем основном значении – это не совсем то же самое, что английское *table*, или *desk*, или *board* и т. п. Ср.: «Так новичок, изучивший иностранный язык, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись

важнейшую проблему толкования. Однако эта проблема переводится на качественно иной уровень: не заменять или подменять толкуемое значение в его полном объеме (что невозможно!), а с необходимой степенью точности и определенности, достаточной для опознания этого значения рядовым носителем языка, указать на него, отослать к нему, направить на него и т. п.

Значение каждого (прежде всего полнозначного) слова (слова-знака)[40] того или иного национального языка есть результат очень сложной реакции, а точнее — ***сама реакция***, всей (учитывая грамматическую и прагматическую) присущей ему собственно лингвистической семантики с экстралингвистической семантикой. Оно является результатом всего жизненного (в том числе и речевого) опыта носителей языка и неотделимо от этого опыта, то есть от опыта встреч с определенным словом в процессах реального речевого общения людей при осуществлении ими тех или иных конкретных деятельностей. Следовательно, значение слова неотделимо от коллективного опыта предшествующих и нынешних поколений, от всего культурно-исторического опыта народа[41].

В связи со сказанным встает вопрос о языке для описания языка — металингвистике, дисциплине, отвечающей на вопрос, «как нужно говорить (писать) о естественном языке; в терминах каких единиц (элементов, классов, конструкций, систем и подсистем) удобно представить „факты“ языка… Задачи металингвистики сводятся к разработке метаязыков для разных типов описания»[42]. Понятно, что на первое место здесь выдвигается метаязыковая (металингвистическая) функция самого языка — «быть средством исследования и описания

без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родной» (*Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1970. С. 422–423). Но именно в этом «духе» все дело. И именно этот дух недоступен формализации и исчислению, то есть собственно научному познанию.

[40] *Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности. С. 20.

[41] Подробнее см. *Мартинович Г. А.* К проблеме методологии лингвистики.

[42] *Засорина Л. Н.* О некоторых эмпирических принципах металингвистики // Вопросы металингвистики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. С. 8.

языка в терминах самого языка»[43]. И несмотря на наличие и весьма широкое использование в настоящее время в лингвистических исследованиях достаточно большого количества «искусственных» семантических языков различного рода, *универсальнейшим и совершеннейшим метаязыком для описания «естественного» человеческого языка (а в конечном итоге и всего остального) является сам же «естественный» человеческий язык.*

Познавая самого себя самим собой и в самом себе, реальный («естественный») человеческий язык оказывается феноменом по самой своей природе и положению вещей н а у ч н о *познаваемо-непознаваемым*, причем, что очень важно, не относительно непознаваемым, как все другие явления, а а б с о л ю т н о и п р и н ц и п и а л ь н о н е п о з н а в а е м ы м за некоторой определенной чертой, в некоторых своих «заповедных» областях и прежде всего в области своего идеального содержания. Семантика языка, будучи всеми «знаема», непознаваема с необходимой и достаточной для науки (!) полнотой, точностью и надежностью. Язык позволяет научно проникать в свое «святая святых», в свои смыслы, значения, семантику, т. е. в свое идеальное содержание, только до некоторых определенных глубин, за пределами которых исследователей неизбежно поджидает фиаско — своеобразное семантическое «короткое замыкание», так сказать, и з у ч а ю щ е г о содержания на и з у ч а е м о е содержание (на собственно *это* содержание), что сводит, по существу, к нулю все усилия, приложенные с целью проникнуть в изучаемое содержание.

Несмотря на то (а возможно, как раз именно в силу того), что в настоящее время существуют весьма многочисленные и самые разнообразные лингвистические школы, направления, течения и т. п., общая, объединяющая в своих основных принципах теория познания языка, как уже отмечалось, все еще так и

---

[43] *Слюсарева Н. А.* Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 564. – «Язык является основной общественно значимой (опосредованной мышлением) формой отражения окружающей человека действительности и самого себя...» (*Кибрик А. Е.* Язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 604; см. также *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. С. 14).

не создана. Пока что совершенно справедливыми остаются как мысль Ф. де Соссюра о том, что в лингвистике «объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект», так и меткое замечание А. Мейе: «столько лингвистик — сколько лингвистов». И всё же *только сами совершенно уникальные особенности человеческого языка должны определять и возможные «точки зрения» на него*; лингвистика — едина (монообъектна, хотя и полипредметна), количество же «лингвистов» (школ, направлений, течений и т. п.) может определяться только количеством реальных сторон, свойств и качеств самого человеческого языка, какими бы необычными они ни были.

Занимаясь познанием столь сложного и совершенно феноменального явления, каким является человеческий язык, нельзя не выделять в нем как в объекте лингвистики и смежных дисциплин различные (в том числе и собственно научные) предметы, создавать всевозможные его (их) модели и описывать в каких-то целях (прежде всего прагматических) некоторые из них с помощью специально созданных («искусственных») языков — семантических, формально-логических, символических, математических и т. д. Однако «познаватель» («когнитолог», «гносеолог», «эпистемолог») языка, поставивший перед собой прежде всего задачи о б ъ я с н и т е л ь н о г о плана, не просто не может в определенных случаях не выходить за рамки собственно научного познания, но должен и о б я з а н выходить за них.

Современные философы, уже достаточно хорошо уяснившие себе «научные» области действительности, в последнее время все больше и больше внимания начинают уделять особенностям познания «ненаучных» ее областей — реального быта, повседневности, обыденности и т. п.[44] Человеческий язык — ***это всё***! Это — и наука, и производство, и миф, и быт, и религия, и мистика, и

---

[44] См., например, ряд статей в кн.: *Наука* и альтернативные формы знания: межвуз. сб. / под ред. Б. В Маркова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995 (*Марков В. В.* Теория познания и структура повседневности. С. 3–15; *Тесля С. Н.* Как возможен опыт о повседневности (к вопросу о субъекте повседневности). С. 15–24; *Круглов Д. Н.* Идея и эйдос повседневности. С. 24–27).

политика, и музыка, и искусство и т. д., то есть вообще весь объективный и субъективный мир, отраженный в сознании (!) человека. Но более всего и прежде всего язык — это, как уже отмечалось, миф (повседневность) и поэзия. Поэтому, рассматривая язык во всей его целостности, мы обязаны разграничивать в нем научные и ненаучные области, выделять научные и ненаучные предметы, то есть предметы принципиально подлежащие и не подлежащие ведению науки, принципиально поддающиеся и не поддающиеся научному описанию и т. п. А наиболее «ненаучной» областью языка, как видно из всего вышесказанного, является область его и д е а л ь н о г о с о д е р ж а н и я.

Необходимо полностью согласиться с выражаемыми даже в наиболее парадоксальной форме призывами начинать с В. фон Гумбольдта. Но Гумбольдт — это не наука! Гумбольдт — один из величайших мыслителей своего времени, создавший кроме всего прочего и новое учение о языке. Гумбольдт — это колоссальные знания, философия, мировоззрение и миросозерцание, но это не наука в собственном смысле этого слова[45], так же как, например, не наука и «трансляция в социум научных результатов» по правилам «правдоподобных рассуждений»[46]. Всё это, конечно, не означает «хуже». Критерий «хуже / лучше» в данном случае вообще не работает. Просто это другое. Наука — безгранична. Но наука — не всесильна. Познание определенных сторон действительности, получение истинных знаний о них и т. п. принципиально невозможно исключительно на собственно научной основе[47].

Поэтому представляется совершенно правомерной и своевременной постановка задачи целенаправленной разработки теории познания особого вида — ***теории познания человеческого языка***, или ***гносеологии лингвистики***, вы-

---

[45] «Наиболее близкой к науке оказывается философия. Однако в целом она, несомненно, не является наукой» (*Философия* и методология науки: учеб. пособие / под ред. В. И. Купцова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 24).

[46] *Фрумкина Р. М.* Есть ли у современной лингвистики... С. 78–79.

[47] Научное знание «далеко не везде... возможно и далеко не всегда уместно». Знания «приобретаются не только в науке. Поэтому знания бывают научные и ненаучные. Уже поэтому понятие «истинное» не эквивалентно понятию «научное». Вполне может быт получено истинное знание, которое, вместе с тем, не является научным» (*Философия* и методология науки. С. 8–9).

ясняющей, как лингвистика должна познавать свой объект, получать достоверные знания о нем, выяснять возможности и пределы такого познания и т. п. Какой ей быть — это как раз и надлежит выяснить. Сейчас, однако, все более и более понятным становится то, что познание языка действительно должно существенно отличаться от всех других видов человеческого познания: научного, художественно-образного, чувственно-эмоционального, интуитивного, мифического, мистического, религиозного, обыденного (бытового) и т. д. Скорее же всего, в этом виде познания должны в сложном единстве совместиться, слиться, создав своеобразный симбиоз, все его виды, чтобы образовать в конечном итоге новый (несомненно, целостный) вид познавательной деятельности человека типа ***наднауки***, ***паранауки***.

* * *

Д. С. Лихачев в своих последних выступлениях неоднократно и настойчиво подчеркивал, что более точный перевод известного библейского изречения «В начале было Слово…» выглядит как «В начале была Идея, и Идея была у Бога, и Идея была Бог». Параллель идея // смысл (семантика, значение, языковое содержание и т. п.) самоочевидна. Конечно, человеческие идеи — не боги и даже не божества, но всё же...